

ВЪ ЗАЩИТУ А. БЛОКА*)

Статья Петроградскаго священника, уже умершаго, объ А. Блокѣ не можетъ быть названа грубымъ богословскимъ судомъ надъ поэтомъ. Она написана не въ семинарскомъ стилѣ. Авторъ человекъ культурный и тонкій. Въ статьѣ этой есть большая религіозная правда не только о Блокѣ, но быть можетъ и о всей русской поэзіи начала XX вѣка. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ судѣ надъ Блокомъ есть большая несправедливость и безпощадность. Подлинный поэтъ имѣетъ другія пути оправданія, чѣмъ аскеза и духовное восхожденіе. Статья о Блокѣ въ сущности ставитъ съ религіозной точки зрѣнія подъ вопросъ самое право на существованіе поэта и поэзіи. Можно было бы показать, что всѣ почти поэты міра, величайшіе и наиболѣе несомнѣнные, находились въ состояніи «прелести», имъ не дано было яснаго и чистаго созерцанія Бога и міра умныхъ существей, ихъ созерцанія всегда почти были замутнены космическимъ прельщеніемъ. Если для Данте сдѣлаютъ исключеніе, то не за Беатриче, а за адъ, въ который онъ столь многихъ послалъ. Это есть самая большая и мучительная проблема поэзіи: она лишь въ очень малой степени причастна Логосу, она причастна Космосу. Въ поэзіи Блока стихія лирическая нашла себѣ самое чистое и совершенное выраженіе. Русскій поэтический ренессансъ начала XX вѣка заключалъ въ себѣ смертоносные яды и въ него вошли элементы онтологическаго растлѣнія (говорю онтологическаго, а не моральнаго). Но о Блокѣ долженъ быть совершенно особый разговоръ. А. Блокъ одинъ изъ величайшихъ лирическихъ поэтовъ. По немъ можно изучать природу лирической стихіи. Когда мнѣ приходилось разговаривать съ Блокомъ, меня всегда поражала нечленораздѣльность его рѣчи и мысли. Его почти невозможно было понять. Стихи его я понимаю, но я не могъ понять того.

*) «Дневникъ» А. Блока, трогательный по своей правдивости, простотѣ и скромности, вполне подтверждаетъ мою характеристику.

что онъ говорилъ. Для пониманія нужно было находиться въ томъ состоянїи, въ какомъ онъ самъ находился въ это мгновеніе. Въ его словахъ совершенно отсутствовалъ Логосъ. Блокъ не зналъ никакого другого пути преодоленія и просвѣтленія душевнаго хаоса кромѣ лирической поэзіи. Въ его разговорной рѣчи еще не совершалось того прекраснаго преодоленія хаоса, который совершался въ его стихахъ, и потому рѣчь его была лишена связи, смысла, формы, это были какія-то клочья мутныхъ еще душевныхъ переживаній. Блокъ не могъ претворить душевно-космической хаосъ ни интеллектуально, черезъ мышленіе и познаніе, ни религіозно, черезъ вѣру, ни мистически, черезъ созерцаніе божественнаго свѣта, ни нравственно черезъ нравственное различеніе и оцѣнку, онъ претворялъ его исключительно черезъ лирическую поэзію. Это былъ безнадежный лирикъ. Мнѣ всегда казалось, что у Блока совсѣмъ не было ума, онъ самый не интеллектуальный изъ русскихъ поэтовъ. Это не значитъ, что у Блока былъ умъ очень плохого и низкаго качества, какъ это бываетъ у людей глупыхъ, нѣтъ, онъ просто былъ внѣ интеллектуальности и не подлежитъ суду съ точки зрѣнія интеллектуальныхъ категорій. Для философіи Св. Тома Аквина-та, которая видитъ въ интеллектѣ самую благородную часть человека, соединяющую его съ подлиннымъ бытіемъ, Блокъ былъ бы затруднителемъ. Онъ можетъ быть выше ума, но ума въ немъ не было никакого, ему чуждо было начало Логоса, онъ пребывалъ исключительно въ Космосѣ, въ душѣ міра. И его собственная душа была совершенно беззащитной, ничѣмъ не бронированной, совершенно обезоруженной. Онъ очень отличается отъ Пушкина и Тютчева, которые были необыкновенно умны и знали другіе пути восхожденія кромѣ лирическихъ. Очень отличается Блокъ и отъ другихъ поэтовъ начала XX в., на примѣръ отъ Вячеслава Иванова, который не обладаетъ поэтическимъ гениемъ равнымъ Блоковскому, но творчество котораго есть пришествіе ума, утонченной интеллектуальности. Трагическая и страдальческая судьба Блока есть судьба беззащитной, обноженной лирической души, которая способна противопоставить темнымъ космическимъ волнамъ лишь поэзію. Но и о ней онъ говоритъ:

«Для иныхъ ты и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и адъ».

Блокъ принадлежалъ эпохѣ и средѣ, которая идеализировала беззащитность и готовы были видѣть въ ней высшее состояніе. Для лирики Блока характерно, что она не узка по своему объему, какъ у нѣкоторыхъ второстепенныхъ поэтовъ, наоборотъ это всеобъемлющая универсальная лирика. Эта лирика

связана не только съ переживаніями любви, но и съ судьбой Россіи, и съ исканіемъ Бога и Царства Божьяго. Весь міръ и все въ мірѣ дѣлается матеріаломъ лирическаго претворенія и на все существуетъ лишь лирической отвѣтъ. Судьба Блока ставитъ очень глубокую метафизическую проблему. У Блока была гениальная индивидуальность поэта, но не было личности. Личность есть уже защита, она можетъ противостоятъ Космосу, она дѣлаетъ различенія и обезоруживаетъ прельщенія. Личность причастна Логосу, она не можетъ быть лишь въ Космосѣ. Космосъ самъ по себѣ не создаетъ личности, онъ создаетъ лишь индивидуальность. Личность создаетъ лишь Логосъ. Но Блокъ былъ цѣликомъ погруженъ въ стихію Космоса, онъ все видѣлъ въ ней и черезъ нее. Поэтому, не имѣя личности вкорененной въ Логосъ, онъ видитъ лишь мутные лики въ Космосѣ. Душа Блока исключительно женственная космическая душа, въ немъ совершенно отсутствуетъ мужественный духъ. Онъ былъ романтикомъ въ томъ смыслѣ, что въ немъ духъ былъ совершенно погруженъ въ душевно-космическую стихію и плѣненъ ей. Онъ не зналъ свободы. Менѣе всего можно про Блока сказать, что въ немъ было демоническое начало, но онъ былъ беззащитенъ передъ демоническими началами. Какъ это ни странно, но въ немъ былъ своеобразный пугливый морализмъ, совсѣмъ не мужественный. Онъ, напримѣръ, моралистически боялся «демоническаго» начала въ Вяч. Ивановѣ. Онъ могъ быть плѣненъ и прельщенъ обманами зла, но онъ зла не хотѣлъ и боялся зла. Уродство и небытіе являлось ему нерѣдко въ обманчивыхъ образахъ красоты, но хотѣлъ онъ увидѣть лицомъ къ лицу красоту Космоса. Съ этимъ связаны мотивы Прекрасной Дамы. Замѣчательно, что Блокъ всегда упорно сопротивлялся всякимъ догматическимъ ученіямъ и теоріямъ, догматикѣ прагматизма и количества, догматикѣ Мерѣжковскаго, догматикѣ Р. Штейнера, и многочисленнымъ догматикамъ В. Иванова. Въ его понятіе о честности входило сопротивленіе догматикѣ. Но онъ былъ беззащитенъ предъ соблазнами и обманами космической жизни. Блокъ идеализировалъ беззащитность. У Блока была большая тоска по космическому преображенію въ красотѣ. Была минута, когда онъ въ большевицкой революціи пытался увидѣть начало космическаго преображенія и Прекрасную Даму. Потомъ онъ съ ужасомъ оттолкнулся отъ ея уродства. Дара различенія духовъ у него не было, но поэзіи его присущъ пассивный пророческій даръ, онъ зналъ, что будетъ съ космосомъ, но не зналъ того, что исходитъ отъ Логоса. Онъ былъ лишенъ духовной мужественности, душа его вѣчно трепетала отъ космическихъ вихрей, уносила въ снѣжныя мятели. И А. Бѣлый кружится космическими вихрями. Но А. Бѣлый не исключительно лирическая натура, онъ вѣчно разсуждаетъ, мыслить, строить теоріи, оккультическія

или философическія, любить схемы, полонъ интересовъ интеллектуальныхъ, онъ явленіе смѣшанное, менѣе чистое и менѣе жертвенное, чѣмъ Блокъ.

Можно ли произносить надъ Блокомъ религиозный судъ и каковъ будетъ этотъ судъ? Возможность религиознаго суда надъ поэтомъ есть очень сложная проблема. Очень легко осудить всѣхъ поэтовъ и всю поэзію. Вл. Соловьевъ пытался это сдѣлать относительно Пушкина и очень неудачно. Онъ присвоилъ себѣ прерогативы Божьяго суда. Въ сущности тутъ ставится и рѣшается вопросъ о смыслѣ не только поэтическаго и художественнаго творчества, но и всего человѣческаго творчества. Творчество совсѣмъ не связано со святостью. Творчество связано съ грѣхомъ. Оно, подобно Платоновскому Эросу, есть дитя отъ двухъ родителей — бѣдности и богатства; ущербности, недостатка, безпокойства, томленія и преизбытка силъ, щедрости, жертвенной отдачи себя. Творящій отличается отъ созерцающаго Божественной свѣтъ и обр тающаго покой въ Богѣ. Это другой путь, другое призваніе, другой даръ. Природа творческаго акта брачная, въ немъ человѣкъ не одинъ, онъ встрѣчается и взаимодействуетъ съ другимъ, съ Богомъ, съ міромъ и съ дьяволомъ, съ ангелами, людьми и демонами. Въ этой брачной творческой встрѣчѣ человѣкъ можетъ быть активенъ и пассивенъ, мужествененъ и женствененъ, въ немъ можетъ преобладать начало Логоса и начало Космоса. Но всегда что-то превносится отъ изначальной, предмѣрной свободы человѣка, въ преображеніе міра, въ уготовленіе новаго неба и новой земли. Творчество нужно не для спасенія человѣческой души, а для уготовленія царства Божьяго, для Его полноты. Сами творческія исканія и блужданія человѣка имѣютъ значеніе для уготовленія и преображенія міра, для нована неба и новой земли. Творческая тоска поэта по космическому преображенію и космической красотѣ служатъ уготовленію новаго неба и новой земли, хотя бы поэтъ и не видѣлъ послѣднихъ реальностей. Въ міръ преображенный войдетъ творческое воображеніе и видѣніе поэта, войдутъ его образы, какъ особаго ряда реальности. Душа Россіи и русскаго народа была также беззащитна, какъ душа Блока, Логосъ не овладѣлъ въ этой душѣ Космосомъ. Россія на новомъ небѣ и на новой землѣ будетъ и такой, какой ее видѣлъ и воспѣвалъ въ своихъ изумительныхъ стихотвореніяхъ Блокъ? Видѣніе же поэтомъ міра бѣсовскаго, демоническаго служатъ обноружанію свѣта. Какой скорбный путь прошло русское творчество отъ Пушкина до Блока, отъ перваго нашего поэтическаго возрожденія александровской эпохи до нашего второго поэтическаго возрожденія начала XX вѣка! Пушкинъ зналъ много горестей и печалей, но зналъ и творческую радость, райскую легкость. Блокъ знаетъ только горе.

печаль, тоску и адъ. Но можно ли за это въ него бросить камень? Онъ также принадлежитъ вѣчной, преображенной Россіи, Россіи новаго неба и новой земли, какъ и Пушкинъ. Ее уготовляютъ не только святыя, подвижники, очистившіеся, увидавшіе Божественный свѣтъ, но и тасковавшіе, мучавшіеся, прельщавшіеся и падавшіе, но устремленные на высотъ, къ жизни преображенной въ красотѣ.

Николай Бердяевъ.

